

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 070 (09); 930.2

DOI: 10.17223/26188422/4/5

Е.В. Перевалова

«ЭТО БЫЛА ВЕЛИКАЯ И БЛАГОТВОРНАЯ СИЛА...»: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ А.А. КИРЕЕВА И М.Н. КАТКОВА

В статье анализируется история взаимоотношений одного из наиболее авторитетных представителей позднего славянофильства А.А. Киреева с признанным лидером консервативной идеологии последней трети XIX в. – публицистом М.Н. Катковым, редактором крупнейшей консервативной газеты «Московские ведомости». Выявляются причины, сблизившие авторитетных мыслителей, рассматривается общность позиций по ряду общественно-политических вопросов. Особое внимание уделяется роли Киреева в урегулировании конфликта между Катковым и великим князем Константином Николаевичем.

Ключевые слова: А.А. Киреев, М.Н. Катков, И.С. Аксаков, великий князь Константин Николаевич, «Московские ведомости», консерватизм, славянофильство.

Исторически сложилось, что отечественная система печати в XIX в. формировалась по «направленческому» принципу: важнейшей характеристикой каждого общественно-политического издания являлось четкое и определенное направление, т.е. единая, целостная система взглядов, соответствовать которой должны были все публикуемые материалы, как произведения изящной словесности и научные статьи, так и публицистика. В зависимости от философских, общественно-политических и эстетических взглядов редакции начиная с конца 1830-х гг. среди органов печати выделялись издания «славянофильского», «западнического», «либерального», «почвеннического», «народнического» и т.п. направлений. Усиление полемической борьбы в период реформ Александра II привело к еще более резкому размежеванию периодических изданий и сделало почти невозможным участие в одном печатном органе литераторов и публицистов, при-

надлежавших к разным идеологическим платформам. И тем не менее в истории отечественной журналистики 1860–1880-х гг. подчас можно найти примеры весьма плодотворного сотрудничества представителей весьма отличных казалось бы воззрений.

Иллюстрацией могут служить длительные – более двадцати лет – взаимоотношения одного из идеологов позднего славянофильства, публициста, богослова и военный деятеля Александра Алексеевича Киреева (1833–1910) с влиятельным публицистом консервативного лагеря Михаилом Никифоровичем Катковым (1818–1887), редактором-издателем крупнейших органов российской консервативной печати – газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник». Данная статья, не претендуя на полноту исследования общественно-политических и социально-экономических взглядов А.А. Киреева, представляет попытку рассмотреть характер его взаимоотношений с М.Н. Катковым, выявить «точки соприкосновения», которые стали основой их длительного сотрудничества. Материалом для статьи послужили хранящиеся в архивах НИОР РГБ дневники А.А. Киреева 1862–1887 гг., дневники писательницы Н.П. Шаликовой, переписка М.Н. Каткова с А.А. Киреевым, писателем Б.М. Маркевичем, ряд других документов.

Фигура генерала А.А. Киреева в последние десятилетия все чаще привлекает внимание историков и философов. Современные исследователи видят в Кирееве наиболее последовательного продолжателя славянофильского учения, но вместе с тем отмечают, что в его системе взглядов, в целом консервативной, имелся ряд либеральных элементов [1–4]. Историк М.В. Медоваров, проанализировавший эволюцию общественно-политических и философских взглядов А.А. Киреева, сделал вывод, что его социально-политическая концепция «предусматривала приоритет православия перед самодержавием и народностью в консервативной «триаде», а само самодержавие должно было быть “усилено” совещательным органом – земским собором, предполагалась также отмена цензуры, расширение свободы слова и свободы вероисповедания, демонтаж значительной части бюрократической системы министерств и ведомств» [5]. По мнению ученых, основные положения концепции Киреева восходили не только к наследию лидеров славянофильского движения А.С. Хомякова и И.С. Аксакова, но и к воззрениям авторитетного деятеля консервативного лагеря, влиятельного публициста и журналиста 1860–1880-х гг. М.Н. Каткова [6–7].

А.А. Киреев был представителем древнего дворянского рода. Его мать – А.В. Киреева, урожденная Алябьева – в 1830-е гг. соперничала красотой с Натали Гончаровой, за ней ухаживал император Николай I, посвящали стихи А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов. Отец – А.Н. Киреев – служил офицером в гвардейском Ольвиопольском гусарском полку, но после женитьбы вышел в отставку и вместе с семьей поселился в Москве, где поддерживал самое тесное знакомство с кружком литераторов славянофильского лагеря – братьями И.С. и К.С. Аксаковыми, Ю.Ф. Самариным, А.С. Хомяковым и др. Теплым и приятным отношениям между семействами Киреевых и Аксаковых способствовало и близкое соседство их усадебных владений: родовое имение Киреевых находилось в Тамбовской губернии, рядом с землями Аксаковых. Постоянное общение с представителями раннего славянофильства предопределило общественно-политические и литературные взгляды молодого Киреева, который на всю жизнь сохранил любовь и уважение к старорусскому дворянству, московскому укладу жизни, русским национальным корням и традициям.

Его служебная карьера сложилась весьма успешно: получив превосходное домашнее воспитание, он был определен по указанию императора Николая I в Пажеский корпус, по окончании которого начал службу в лейб-гвардии Конном полку, принимал участие в Крымской войне 1853–1856 гг., а в 1862 г. был назначен адъютантом великого князя Константина Николаевича – младшего брата императора Александра II, и находился в этой должности тридцать лет – до самой смерти князя в 1892 г. Это назначение сразу выделило молодого Киреева из общей массы гвардейских офицеров и поставило в ряд людей, близких императорской семье и посвященных во многие ее «святая святых». В отличие от большинства людей своего круга, Киреев посвящал свободное от службы время не только светским развлечениям, но и самообразованию, философским занятиям. В течение многих лет он системно и целенаправленно изучал литературу по истории, богословию, философии, этике и эстетике, был одним из учредителей Императорского музыкального общества, в числе организаторов Петербургского отделения «Общества любителей духовного просвещения» и т.п. По долгу службы и по своему положению в высшем свете А.А. Кирееву приходилось общаться с представителями политического истеблишмента, генералитета, литераторами, деятелями искусства: П.А. Валуевым, А.В. Головинным, Н.А. и Д.А. Милюти-

ными, В.А. Долгоруким, С.Г. Строгановым, П.А. Шуваловым, А.М. Горчаковым, К.П. Кауфманом, М.Х. Рейтерном, И.С. Тургеневым, И.А. Гончаровым и др. Эти обширные связи и знакомства нашли отражение в его дневниках, которые он почти без перерывов систематически вел на протяжении почти полувека и которые могут служить своего рода хроникой политической, общественной и культурной жизни России второй половины XIX в.

Имя М.Н. Каткова занимает значительное место в дневниках Киреева 1860–1880-х гг. Судя по записям, на протяжении более чем двадцати лет между нами сохранялись теплые и весьма приятные отношения, московский журналист являлся для Киреева одним из наиболее уважаемых и почитаемых представителей отечественного общественного мнения. Что могло настолько сблизить представителя древнего дворянского рода, блестящего гвардейского офицера, великосветского «льва» и завсегдатая столичных салонов А.А. Киреева с московским публицистом, все время и силы которого были поглощены упорным и почти непрерывным трудом по редактированию газеты и журнала, написанию передовых статей, хлопотам в типографии, исполнением директорских обязанностей в Лицее памяти цесаревича Николая и т.д.? Что общего имелось у убежденного сторонника славянофильской доктрины Киреева с Катковым, который в 1850–1870-е гг. был известен как заядлый англоман и горячий поклонник английских общественных учреждений, а в 1880-е гг. – как представитель охранительного консерватизма?

По происхождению, социальному положению и образованию М.Н. Катков принадлежал к совершенно иному кругу, нежели тот, в котором с юных лет вращался А.А. Киреев. В отличие от большинства русской интеллигенции середины XIX в., в основном принадлежавшей к потомственному дворянству, редактор «Московских ведомостей» не имел ни древней родословной, ни влиятельных родственников, ни наследственных имений. Его отец происходил из унтер-офицерской среды, имел личное дворянство, служил в чине титулярного советника в Московском губернском правлении и умер, когда сыну было всего пять лет. Мать, родом из обедневших дворян, не имея других средств к существованию, после смерти мужа была вынуждена поступить на должность главной надзирательницы в тюремный замок, где и прошло детство Каткова. Начальное образование он получил в Преображенском сиротском училище, откуда перешел в

первую московскую гимназию, а затем – в пансион М.Г. Павлова, а в 1834 г. поступил на словесное отделение Московского университета, где познакомился и сошелся с В.П. Боткиным, М.А. Бакуниным и другими членами «западнического» кружка Н.В. Станкевича. Его юность пришлась на период бурных споров славянофилов с западниками, в которых он безусловно поддержал последних. На почве интереса к новейшей немецкой философии, особенно к учению Ф. Шеллинга, у Каткова сложились самые дружеские отношения с лидером западничества – В.Г. Белинским, с которым они вместе сотрудничали в журнале А.А. Краевского «Отечественные записки». В те годы Белинский называл Каткова «одним из лучших людей, каких только встречал я в жизни» и видел в нем «великую надежду науки и русской литературы» [8. С. 372]. «Какая даровитость, какая глубокость, сколько огня душевного, какая неистощимая, плодотворная и мужественная деятельность! – писал В.Г. Белинский о первых публикациях М.Н. Каткова. – Во всем, что он не пишет, видно такое присутствие мысли, его первые опыты гораздо мужественнее моих теперешних» [9. С. 405].

После окончания университета Катков на два года уехал в Германию для продолжения образования. Почти не имея каких-либо средств к существованию, за исключением редких гонораров из «Отечественных записок», страшно бедствуя, он тем не менее сумел прослушать курс Ф. Шеллинга, основательно изучить немецкую философию, европейскую культуру и языки, а затем, вернувшись в Россию и защитив в 1845 г. магистерскую диссертацию, занял место адъюнкта по кафедре философии Московского университета. Однако его академическая карьера продолжалась недолго: в 1848 г. преподавание философии было передано профессорам богословия. И лишь с 1856 г., когда Катков, совместно с профессором Московского университета П.М. Леонтьевым, начал издавать общественно-политический журнал «Русский вестник», он получил известность как талантливый публицист и редактор, а его материальное положение стало более устойчивым. Настоящая слава пришла к нему в 1863 г., когда, получив в результате острой конкурентной борьбы право на аренду университетских «Московских ведомостей», он стал полноправным редактором этой газеты и сумел в короткие сроки превратить ее из полупровинциального издания в один из самых авторитетных и влиятельных общественно-политических органов не только российской,

но и европейской печати. Во многом этому способствовала четкая, смелая и бескомпромиссная позиция газеты по польскому вопросу в связи с трагическими событиями антироссийского восстания 1863 г. в Польше, начало которого почти совпало с переходом «Московских ведомостей» к Каткову. Патриотическое одушевление его передовых статей, через которые красной нитью проходила идея государственного единства России и призыв защитить большинство населения Царства Польского и западнорусских губерний, обреченного стать жертвой междоусобной славянской войны, – все это способствовало тому, что с первых же дней издания под его редакцией «Московские ведомости» начали оказывать значительное влияние на формирование общественного мнения и обрели бесспорное уважение и доверие читательской аудитории, причем как среди образованных сословий, так и в низших слоях населения. «Ежедневно утром целые массы народа толпились перед редакцией в ожидании, что кто-либо из грамотеев, присланных за получением “Московских ведомостей”, прочтет толпе только что отпечатанную статью по польскому вопросу, – вспоминал А.И. Георгиевский, заведовавший редакцией газеты в 1863–1866 гг. – Таких грамотеев оказывалось немало: толпа разбивалась на большое число кучек, покрывавших собой весь Страстной бульвар и жадно внимавших чтению своего грамотея» [10. С. 115].

Именно на этот период – первые годы издания «Московских ведомостей» – и приходится знакомство Каткова с Киреевым. Об этом свидетельствует сделанная в ноябре 1864 г. запись в дневнике последнего о «стараниях сблизить его с Катковым» и более поздняя приписка, появившаяся спустя десятилетия, когда Киреев перечитывал и редактировал свои дневники: «До этого времени я знал Каткова мало; знал его как ученого, но не как политика. Впоследствии я его оценил и был с ним очень близок» [11. С. 96]. До этого момента имя Каткова упоминалось в дневниках Киреева лишь несколько раз, и поводом к этим записям служили статьи публициста по польскому вопросу. Так, незадолго до состоявшейся встречи – в сентябре 1864 г. – Киреев, находившийся в тот момент в Париже, отметил: «Пишут из России, что Каткова боготворят и что авторитет его растет ежедневно», и с одобрением добавил: «Что ж, я в этом худого не вижу» [Там же. С. 79]. Весьма вероятно, сильное впечатление на адъютанта великого князя произвела передовая статья Каткова, опубликованная 5–6 сентября 1864 г. и направленная против публициста Шедо-

Ферротти – под этим псевдонимом скрывался барон Ф.И. Фиркс, в недавнем прошлом чиновник русского таможенного ведомства, после выхода в отставку поселившийся в Брюсселе и активно сотрудничавший с европейскими изданиями. В западной прессе он писал, как правило, по вопросам внутренней русской политики, а в 1864 г в Брюсселе на французском языке издал книгу «Etudes sur l'avenir de la Russie» («О будущем России»), основные идеи которой служили своего рода оправданием политики великого князя Константина Павловича в Варшаве и одновременно вызовом Каткову и «Московским ведомостям». Фиркс с ожесточением критиковал патриотическую направленность передовых статей Каткова, утверждал, что «ультрарусские идеи московской прессы не пользуются сочувствием в народе», а наилучшее разрешение польского вопроса видел в даровании Польше национального правительства. Идея написания книги исходила от министра народного просвещения А.В. Головнина, который являлся не только креатурой великого князя Константина Павловича, но имел на него очень сильное влияние и был своего рода его «серым кардиналом». Катков принял брошенный ему вызов, ответив на публикации Фиркса обширной передовой статьей, в которой, признавая неразрывную связь России с европейской цивилизацией, отстаивал мысль, «что истинный прогресс в России возможен только на основании русской народности, что русское государство может сохранить свою силу и приобрести желаемое благоустройство только в качестве русского государства, что политика русского правительства может не иначе вести к благу, не иначе удовлетворять своему назначению, как принимая все более и более национальный характер» [12]. Во второй части статьи, напечатанной в следующем номере газеты, журналист, решившись идти до конца, предал огласке содержание адресованного ему конфиденциального письма А.В. Головнина, в котором тот в 1863 г. предлагал ему издать статьи по польскому вопросу отдельной книгой и вызывался приобрести большое количество экземпляров с целью распространения их по учебным заведениям [13]. Оглашение этих сведений свидетельствовало о явном двуличии и лицемерии министра народного просвещения и произвело «большой скандал» в обществе [14. Т. 2. С. 463]. Познакомившись с содержанием статьи, Киреев записал в своем дневнике 18 сентября: «Прочел громовой ответ Каткова до Ферротти. То, что он в нем пишет, я предвидел, конечно. Меня удивило, что Катков решился сообщить публике пред-

ложения Головнина (о напечатании статей). Очевидно, борьба загорелась не на шутку, Катков без данных не сунется в такое рискованное предприятие. Видно, Головнин не крепок» [11. С. 85].

Вернувшись в Россию, Киреев обнаружил, что Катков «сделался решительно властью» – именно так он охарактеризовал московского публициста в ноябре 1864 г. [Там же. С. 95]. Можно предположить, что патриотический пафос статей Каткова и национальные приоритеты, предложенные в них в качестве основополагающей идеи отечественной политики, нашли ответный отклик и сочувствие в душе Киреева, который, оказавшись в Москве, был отнюдь не прочь поближе познакомиться с авторитетным московским журналистом. Весьма вероятно, что лицом, которое проявляло «старания сблизить его с Катковым», была младшая сестра – писательница, переводчица и публицистка О.А. Новикова. Талантливая, обаятельная, обладавшая несомненными литературными дарованиями, Ольга Новикова являлась сотрудницей «Московских ведомостей» с первых дней их издания под редакцией М.Н. Каткова, постоянным автором корреспонденций из Лондона, где проводила зимы и где, благодаря своим внешним данным, образованию, манерам, богатству, у нее имелся широкий круг знакомств. Можно предположить, что именно О.А. Новикова и стала инициатором встречи Киреева с Катковым. Возникновению между ними теплых и приятных отношений могли способствовать и давние дружеские связи обеих семей, вернее, их женской половины. Редактор «Московских ведомостей» был женат на княжне С.П. Шаликовой – дочери известного литератора 1820–1830-х гг. князя П.И. Шаликова. Несмотря на бедность, семейство Шаликовых входило в число аристократических домов Москвы и имело обширные знакомства в среде старомосковского дворянства. Супруга Каткова, ее незамужняя сестра – известная писательница Н.П. Шаликова, их мать – вдовствующая княгиня Шаликова (обе жили в семье Каткова), несомненно, были издавна коротко знакомы с дамами Киреевыми и поддерживали с ними весьма приятельские отношения. Подтверждением тому могут служить дневниковые записи Н.П. Шаликовой. К примеру, 5 октября 1864 г. она записала: «Сейчас была у нас Ал.В. Киреева. Она плачет с утра до ночи, в отчаянии за сына, которого отдали Константину» [15. С. 42]. Видимо, назначение сына адъютантом великого князя Константина Николаевича, известного своими прозападническими либеральными взглядами, отнюдь не радовало

г-жу Кирееву, хотя все ее честолюбие всегда было сосредоточено на успехах детей, бывших предметом ее материнской гордости. Откровенность и искренность чувств, которые она позволила себе проявить в присутствии сестер Шаликовых, свидетельствуют о доверительности установившихся между ними отношений.

Сближению Каткова и Киреева, как представляется, во многом могла способствовать свойственная им обоим неприязнь к Петербургу, с его бюрократизмом, формализмом, казенной, чиновной атмосферой и суетливым, по-европейски шумным укладом жизни, тогда как Москва для каждого из них была воплощением русского характера, традиционного национального уклада, хранительницей устойчивых, проверенных временем ценностей и традиций. В дневниках Киреева ощутимо заметно плохо скрываемое нерасположение к Петербургу, который он нередко с иронией именовал «чухонскими Афинами» [16. С. 67]. Вынужденный по долгу службы большую часть времени проводить в северной столице, Киреев в душе оставался москвичом и всегда с радостью возвращался в родной город, где только и чувствовал себя по-настоящему дома, с наслаждением прогуливаясь по древнему Кремлю и любясь его башнями, куполами соборов и церквей. «Вид этого русского Капитолия производит на меня глубокое впечатление, я чувствую себя всей душою русским!» [17. С. 57], «Здесь сердце бьется привольнее, сильнее. Я дома, чувствую это, глядя на Кремль с его башнями и золотыми куполами» [18. С. 187] – такие записи нередко встречаются в дневниках Киреева разных лет. Весьма показательны ремарки, делаемые им накануне поездок из Петербурга в Москву и наоборот: «Возвращаюсь в Россию из Петербурга» [16. С. 127], «Уезжаю из России в Петербург» [19. С. 225]. Он часто противопоставлял древнюю и новую столицы империи, причем его симпатии всегда оставались на стороне первой, тогда как вторая воспринималась как царство праздности и развращенности: «В Москве хотя бы работать, в Петербурге разглагольствовать» [20. С. 202], «Мелочная, обыденная жизнь идет своим чередом. Микроскопические интересики тоже заявляют права на жизнь!» [21. С. 154].

Столь же неприязненное отношение к северной столице было свойственно и Каткову. Ему часто приходилось бывать в Петербурге: то для урегулирования возникавших цензурных затруднений, то для обсуждения вопросов, связанных с образовательной реформой, введением нового университетского устава и т.д., и каждый раз он воз-

вращался из этих поездок, убежденный в нравственном превосходстве Москвы и москвичей. И хотя ему не раз представлялась возможность стать редактором крупнейших петербургских изданий (в частности, в 1862 г. ему предлагали взять в аренду «Санкт-Петербургские ведомости»), он так и не решился покинуть Москву, поменять патриархальное добродушие и хлебосольство старомосковского быта на холодный лоск петербургских гостиных. «Париж и Лондон младенцы против Петербурга относительно развращенности», – так характеризовал Катков северную столицу еще в 1850-е гг. [22. С. 448]. Впоследствии в частных разговорах он не раз называл служащих петербургских департаментов и завсегдатаев великосветских салонов «паркетными шаркунами», «мастерами маршировки и услужливости», «натасканными, дрессированными чиновниками» [23. С. 84]. В одной из бесед с Киреевым, когда речь зашла о применении нового университетского устава, Катков выразился еще резче, назвав Петербург «царством каплунов» [18. С. 179], подразумевая под этим, по всей вероятности, неспособность петербургской бюрократии к живому и реальному делу. Столь же неприятен как Каткову, так и Кирееву был характер петербургской журналистики, в основании которой, по их мнению, лежал дух цинизма, торгашества, спекуляции и неуважения к авторитетам и национальным традициям. «Разбойниками пера» зачастую называл Киреев петербургских журналистов [20. С. 149], переиначивая известное выражение постоянного автора «Московских ведомостей» Б.М. Маркевича.

В начале знакомства А.А. Киреев был интересен М.Н. Каткову в первую очередь как человек, обладающий значительными связями среди петербургского политического истеблишмента. Как адъютант великого князя, Киреев был вхож не только во все министерства и ведомства, во все светские гостиные столицы, но и в личные покои императорской семьи, что делало его одним из самых осведомленных лиц Российской империи. Обладая острым умом и наблюдательностью, он умело подмечал многое из того, что представляло несомненную ценность для газеты. Его письма, адресованные Каткову, содержали подробности о политической, придворной, культурной жизни Петербурга: об ожидаемых в Государственном Совете перестановках, о вносимых на рассмотрение Совета проектах законов и предполагаемых решениях, о готовящихся назначениях и т.д. Из Польши Киреев сообщал Каткову многочисленные подробности о ходе политики обрусения, об организации Общества для приобретения имений в За-

падном крае, о том, как происходила выдача ссуд покупателям имений и т.д. [24]. Можно предположить, что содержание многих писем Киреева ложилось в основу корреспонденций из Западного края и передовых статей «Московских ведомостей», посвященных «польскому вопросу», чему косвенным свидетельством могут служить дневниковые записи Киреева. Так, к примеру, в декабре 1865 г. он писал по поводу введения в Западном крае запрета на продажу имений лицам польской национальности – меры, которой настойчиво добивались «Московские ведомости»: «Не знаю, до какой степени мои старания способствовали принятию этих взглядов. Несомненно только, что я имел влияние на “Московские ведомости” (в последних двух статьях), а они остаются не без влияния на ход дел, это несомненно» [16. С. 46]. Весьма вероятно, что Киреев имел в виду передовые статьи «Московских ведомостей» № 262, 263 и 264, в которых выдвигалось настоятельное требование населить западный край русскими помещиками и предлагались конкретные меры для поощрения русских покупателей польских имений. Вместе с тем диапазон тем, которые затрагивались в корреспонденциях Киреева, не ограничивался лишь «польским вопросом»: он писал также о славянском движении, о проблемах христианства, в первую очередь – о необходимости преодоления раскола западной и восточной церквей, об университетском вопросе и т.д.

Киреев был полезен Каткову не только как источник оперативной и достоверной информации о происходящем в высших правительственных сферах Петербурга и Варшавы. Редактор «Московских ведомостей» прекрасно понимал, что, несмотря на успех и влияние на читательскую аудиторию, дальнейшая судьба его газеты во многом зависит от соотношения сил разных группировок в правительстве, и ему волей-неволей приходилось с этим считаться, принаравливаясь к меняющимся обстоятельствам, искать поддержку среди влиятельных лиц. Как раз в конце 1864 – начале 1865 г. отношения «Московских ведомостей» с Московским цензурным комитетом резко обострились и между ними началась, по выражению министра внутренних дел П.А. Валуева, «открытая война» [25. Т. 1. С. 304]: Катков без согласования с цензурой публиковал статьи, в которых полемизировал с антироссийски настроенными прибалтийскими изданиями, указывал на факты, свидетельствующие о сепаратистских планах прибалтийского дворянства, и т.п. Данные публикации являлись логическим продол-

жением взятого им еще в 1863 г. курса на борьбу за целостность и единство империи, однако к тому времени острота польского вопроса ушла в прошлое, и позиция «Московских ведомостей» по национальному вопросу, их смелые и откровенные рассуждения о проявлениях сепаратизма на окраинах Российской империи стали вызывать недовольство у многих лиц в правительстве. Понимая, насколько велика возможность репрессивных мер по отношению к его газете, Катков стремился заручиться поддержкой представителей правительственной элиты: добился встречи с министром иностранных дел князем А.М. Горчаковым, шефом-жандармов и главным начальником III Отделения князем В.А. Долгоруковым, военным министром Д.А. Милютиным, имел трехчасовую беседу со статс-секретарем императора и членом государственного совета Н.А. Милютиным. Как представляется, при посредничестве А.А. Киреева Катков хотел найти общий язык с великим князем Константином Николаевичем, с которым у него сложились весьма непростые отношения. В период польского восстания «Московские ведомости» систематически критиковали примирительную политику и нерешительные распоряжения великого князя, бывшего с июня 1862 г. по октябрь 1863 г. наместником императора в Царстве Польском, указывали на него как на одного из виновников слабости действий российской администрации в западных губерниях. На критику в печати великий князь реагировал очень остро, доходя в отношении к московской газете и ее редактору до проявлений открытой враждебности. Так, он крайне ревниво и даже агрессивно воспринимал любые попытки своих подчиненных сотрудничать с Катковым. Примером может служить случай, описанный писателем и публицистом Б.М. Маркевичем, постоянным петербургским корреспондентом Каткова: в марте 1866 г. великому князю представлялся А.П. Безак, незадолго перед этим назначенный генерал-губернатором Юго-Западного края и командующим войсками Киевского военного округа. «После первых же слов этот (великий князь. — Е.П.) вдруг обратился к Безаку с вопросом: “И к Каткову успели забежать!” Безак, никак этого не ожидавший, сконфузился и отвечал, что для достижения целей, предполагаемых Правительством в управляемом им крае, он полагает, без общественной поддержки не обойтись, а потому он почел для себя долгом войти в сношения с человеком, имеющим такое огромное влияние на общественное мнение в России. — “В России нет общественного мнения — с яростью закричал

Костя, – нет, тысячу раз повторяю вам, нет, это мнения каких-нибудь 5-6 мерзавцев, во главе которых стоит ваш Катков. А я плюю на них и презираю их и вашего Каткова! Прощайте!» – и скрылся во внутренние апартаменты» [26. С. 17].

К концу 1864 г. противостояние между «Московскими ведомостями» и цензурой зашло настолько далеко, что был момент, когда Катков всерьез собирался отказаться от редактирования газеты и даже подготовил статью, в которой обосновал свое решение. В сложившейся ситуации ему была крайне важна поддержка Киреева, который, с одной стороны, находился в самых близких отношениях к великому князю, пользовался его безусловным доверием и даже мог оказывать на него некоторое влияние, с другой – сочувствовал позиции «Московских ведомостей». Со своей стороны Киреев воспринимал давление на газету Каткова как попытку правительства избавиться от общественного мнения в России, уничтожить едва ли не единственный орган печати, позволяющий, с одной стороны, смелую критику решений власти, с другой – противостоящий радикальной журналистике. «Ничего незаконнее этого, кажется, еще не было сделано в нынешнее царствование, – с негодованием писал Киреев в дневнике 28 декабря 1864 г., узнав об ожидающемся запрете «Московским ведомостям» касаться вопросов национальной политики. – Криков будет много в целой России. Пощечина, данная всему обществу в лице Каткова, которого девять десятых нашего общества считает представителем своих идей, больно отзовется. ...это повредит сильно правительству. Конечно, просвещенный деспотизм нам еще не бесполезен, но ведь пора готовиться и к перемене. Законность необходима для того, чтобы всем иметь доверие к Правительству, а ведь многого и не сделаешь без помощи народа, общественного мнения» [11. С. 110].

Желая оказать помощь «Московским ведомостям» и их редактору, Киреев пытался воздействовать на великого князя и если не переубедить, то, по крайней мере, вызвать в нем доброжелательное отношение к редактору московской газеты. И делал это небезуспешно. Можно предположить, что в течение всего 1865 г. он осторожно старался внушить Константину Николаевичу мысль о том, что гораздо лучше иметь в прессе союзника, нежели противника, и не стоит пренебрегать мнением столь авторитетного издания, как «Московские ведомости». Видимо, уверившись в лояльном отношении князя к газете, он в декабре 1865 г. сообщил ему о желании редактора «Московских ве-

домостей» «сблизиться с ним, поддержать его». Великий князь, который к тому времени уже являлся Председателем Государственного совета, дал довольно сдержанный, но вместе с тем обнадеживающий ответ: «Вольно же им было от меня отшатнуться; я не имею ничего против соединения...» [16. С. 52]. Подобную реакцию со стороны Константина Николаевича уже можно было рассматривать как победу: великий князь не отказался наотрез от каких-либо переговоров с Катковым, но, как видимо, желал, что журналист первым сделал шаг к сближению. Именно таким образом Киреев понял ответ князя: «Очевидно, стало быть, он желает, чтобы инициатива мирных переговоров шла от Москвы» [Там же]. Попытки Киреева помочь Каткову найти общий язык с Константином Николаевичем продолжались, свидетельством чему может служить запись, сделанная в его дневнике почти год спустя – в октябре 1866 г.: «Я принимаю самое деятельное участие в переговорах по поводу соединения великого князя с консервативной партией. Еще в прошлом году я говорил ему, что Москва присоединится к нему, если он хоть чем-нибудь докажет, что он отказывается от своих заблуждений. Я тогда получил оригинальный ответ, что “не я от них отшатнулся, а они от меня”» [Там же. С. 113]. Однако лишь в августе 1869 г. Киреев с удовлетворением отметил в дневнике: «Великий князь очень хорошо отзывался о статьях в “Московских ведомостях” (в первый раз)» [27. С. 2]. И вскоре А.А. Кирееву удалось организовать встречу М.Н. Каткова с великим князем в Мраморном дворце для обсуждения проекта гимназической реформы.

Победа в ожесточенной полемике о гимназиях имела для Каткова принципиальное значение: с их успешным преобразованием он связывал будущее не только российской науки, но и всей российской государственности, так как видел в них едва ли не единственное средство борьбы с распространявшимся нигилизмом и социалистическими учениями. В конце 1860 – начале 1870-х гг. проблемы образования и разрабатываемая гимназическая реформа были центральной темой «Московских ведомостей», рассматривались в газете как «главный жизненный интерес современного положения наших дел» и как одно из главных направлений деятельности правительства. «Московские ведомости» явились главным «рупором» сторонников «классицизма»: по мнению Каткова и его единомышленника П.М. Леонтьева, вся европейская наука и современная цивилизация своим развитием были обязаны античной цивилизации, и России, чтобы стать частью едино-

го просвещенного мира, также следует построить процесс обучения на основе изучения древних языков, классического наследия Греции и Рима и завещанных античностью умственных и художественных богатств. Основательное и глубокое изучение классики, с точки зрения Каткова, развивало бы у учащихся склонность к глубокому мышлению и научной деятельности и, таким образом, препятствовало бы распространению среди юношества поверхностных радикальных взглядов. В полемике вокруг гимназического устава у «Московских ведомостей» было немало противников, среди которых главное место занимал А.В. Головнин – в недавнем прошлом министр народного просвещения, человек, пользовавшийся неограниченным доверием великого князя и имевший на него решительное влияние. Благодаря Кирееву, который разделял позицию Каткова в вопросах образования и причислял себя к «решительным поборникам классицизма» [20. С. 128], накануне того дня, когда проект реформы средних учебных заведений должен был поступить на рассмотрение Государственного совета, Каткову удалось встретиться с Константином Николаевичем в Мраморном дворце [16. С. 52, 113] и в ходе почти часовой беседы убедить его на заседании Совета поддержать именно тот проект реформы, на котором настаивали «Московские ведомости».

Известно, что Киреев предпринимал попытки и А.В. Головнина привлечь на сторону Каткова: в дневниках бывшего министра сохранилась запись, что адъютант великого князя приезжал к нему сообщить, что Катков после представления Константину Николаевичу «непременно хочет быть» и у него. Головнин оказался менее сговорчивым, нежели его патрон и ответил на предложение Киреева отказом, сославшись на болезнь [28. С. 482]. Примиришь Каткова с Головинным Киреев больше не пытался, но зато с великим князем в последующие годы еще не раз заводил беседы о журналисте и его изданиях. Неоднократно Киреев пытался внушить своему патрону мысль о том, что московский публицист является представителем общественного мнения, «заискивать» у которого «не должно», но прислушиваться необходимо [27. С. 22]. Киреев отнюдь не скрывал от великого князя своего сочувственного отношения к редактору «Московских ведомостей» и к отстаиваемым в этой газете идеям и даже пытался представить князю некую «программу консервативной партии», о чем сохранилось любопытное свидетельство Б.М. Маркевича. «Был у меня на днях А.А. К-в [Киреев. – Е.П.], – сообщал Маркевич Каткову

осенью 1866 г., – и просил меня передать Вам на просмотр и утверждение прилагаемую при сем “наброшенную им программу к руководству здешней консервативной партией”. Для чего это ему, о какой тут партии идет речь и что нового в этой программе, я решительно не понимаю, тем более, что все это облекалось в его речах такую таинственностью и какими-то далекими намеками, что я весьма усомнился в серьезности этого, как кажется, впрочем, весьма благонамеренного молодого человека. Вчера сестра его О.А. Н. (О.А. Новикова. – *Е.П.*) подняла для меня несколько край этой таинственной завесы: дело в том, что брат ее полагает привлечь к этой “программе” то Лицо, при котором он состоит адъютантом и весьма близким, как говорят. Лицо, сохраняя лично к Вам неприязненное некоторое чувство, малопомалу, вследствие влияния К-ва (Киреева. – *Е.П.*), сближается с Вашими убеждениями, и надеются со временем привести его к тому, что он может стать во главе русской партии. Все это, разумеется, я передаю Вам, как заключение К. (Киреева. – *Е.П.*) и его сестры» [29. С. 75]. Из контекста письма очевидно, что «лицо», о котором в нем идет речь, – великий князь Константин Николаевич. Несмотря на старания А.А. Киреева, главой «русской партии» великий князь так и не стал, его недоброжелательное отношение к Каткову и «Московским ведомостям» сохранялось и в последующие годы. К примеру, когда в 1884 г. после принятия нового университетского устава радикально настроенные студенты Московского университета, вооруженные револьверами, организовали антикатковскую демонстрацию прямо под окнами его квартиры, князь в разговоре с Киреевым словно бы в шутку бросил: «Да что ж делать, коли иначе нельзя избавиться от этого негодяя, как застрелив его!». «И это говорит великий князь, бывший председателем Государственного Совета, – с возмущением писал Киреев в дневнике. – Как же Русаковых и Перовских и К осуждать!!?» [19. С. 66]. Однако нельзя не отметить, что внешне отношения Константина Николаевича к Каткову и его газете приняли более сдержанный характер, без проявлений открытой враждебности, в чем, несомненно, была немалая заслуга и А.А. Киреева.

Переписка Киреева с Катковым и сотрудничество в его изданиях продолжались на протяжении многих лет, со самой смерти знаменитого журналиста в 1887 г. Можно предположить, что если в первые годы редактор «Московских ведомостей» видел в Кирееве в первую очередь «нужного человека», связи и контакты которого могли быть

полезны газете, то в дальнейшем их знакомство переросло в крепкую дружбу и прагматические интересы уступили место теплым и доверительным отношениям. Редкий приезд Киреева в Москву обходился без посещения редакции «Московских ведомостей» и без продолжительного разговора с М.Н. Катковым, который также в свои частые поездки в Петербург всегда находил время побывать у Киреева. Тематика их бесед была весьма разнообразной: ситуация на Балканах, роль церкви в политической и духовной жизни общества, влияние православия в объединении государства и единении нации, внешняя политика России, ее отношения с ведущими европейскими державами, перестановки и новые назначения в российском правительстве, подготовка и принятие нового университетского устава, состояние высшего образования в России и Европе, литература, искусство и, конечно же, философия, в области которой Киреев считал Каткова «безусловным авторитетом» [21. С. 105]. Собеседников сближал и широкий кругозор, искренняя заинтересованность в происходящих в России и за ее пределами политических событиях, единство взглядов на многие явления российской и европейской действительности.

В последние годы жизни Каткова их доверие друг к другу было настолько высоким, что предметом бесед, а зачастую и критики мог быть даже сам император Александр III и его распоряжения. Так, к примеру, в апреле 1886 г. Киреев писал, что они с Катковым «толковали о странных противоречиях в характере Государя», который, будучи «твердо убежден в негодности того или иного человека — а между тем не только не сменяет его, но еще и дает ему то или другое назначение» [19. С. 166]. Спустя год, в январе 1887 г., Катков сетовал Кирееву на «некоторую долю *inconsis* (непоследовательность, противоречивость. — *Е.П.*) Государя, не решающегося прогнать лицо, заведомо вредное для службы» [Там же. С. 211]. По многим принципиальным вопросам позиция редактора и главного публициста «Московских ведомостей» вызывала у Киреева сочувствие и однозначную поддержку. Так, например, Киреев полностью одобрял резкую критику нигилистических и социалистических теорий в «Московских ведомостях», активную кампанию, начатую Катковым против «судов улицы», как в газете именовались суды присяжных. Показательны дневниковые записи Киреева, сделанные в 1878 г. в связи с процессом Веры Засулич в Петербургском окружном суде и почти дословно повторяющие передовые статьи Каткова в «Московских ведомостях». Оба —

и Киреев, и Катков – оценивали покушение В.И. Засулич на петербургского градоначальника генерала Ф.Ф. Трепова исключительно как самосуд, который «не может быть допущен» [21. С. 122], и с негодованиемотреагировали на вердикт: «Не виновна», вынесенный присяжными. «Закон не может миловать; закон только оправдывает, – возмущенно писали «Московские ведомости». – Милующая власть не оправдывает, а прощает, но она решает не по закону, а сверх его, и суду не принадлежит» [30]. Аналогичная мысль – о недопустимости «помилования по закону» – звучит и в дневнике Киреева: «Миловать ее (Засулич. – Е.П.) следует не судьям, а государю. – писал он. – Нарушать закон и заменять его чувством может только верховная власть, а не надворный советник! Исправлять по усмотрению законы не его дело» [21. С. 131]. Как и Катков, Киреев был убежден, что и сам ход судебного процесса был заранее predetermined, так как «присяжными были избраны петербуржцы из так называемой интеллигенции. Присяжные, принадлежащие к другим слоям общества, были устранены» [Там же. С. 130]. Имея в виду смелость, с которой «Московские ведомости» в 1870-е гг. противостояли пропаганде популярного среди значительной части интеллигенции материализма, Киреев писал, что «редко когда можно встретить таких храбрых людей, как Катков», и подчеркивал, что кроме него в России нет других сил, способных противодействовать натиску левых учений: «нигилисты и материалисты проповедуют свои теории, а мы молчим», и даже «церковь молчит, ограничивается повторением истин, не выходящих из пределов догматики или обыденной морали» [20. С. 14].

Столь же едины Катков и Киреев были в оценке событий 1870-х гг. на Балканах, будучи убеждены в том, что долг России состоит в поддержке борьбы православного населения Балканского полуострова против турецкого владычества. Катков в «Московских ведомостях» активно защищал права славянских народов Балкан на независимость, позиционируя Россию как главный оплот славянства и православия на полуострове. Киреев активно содействовал созданию Славянского комитета в Петербурге, в 1875 г. с целью оказания помощи балканским славянам организовал Герцеговинскую комиссию, значительную часть своего состояния вложил (к сожалению, безуспешно) в промышленные предприятия, предполагая передавать доходы от них на поддержку национально-освободительной борьбы славян. Его младший брат, Н.А. Киреев, в 1876 г. добровольцем уехал в Сербию,

где присоединился к восставшим славянам. Его героическая смерть в одном из сражений оказала сильное влияние на русское общество и по сути ускорила вступление России в войну с Турцией. Сотни русских юношей (и, кстати, старший сын редактора «Московский ведомостей», П.М. Катков) добровольцами вступали в русскую армию с целью поддержать славян в их борьбе за национальную независимость. И Катков, и Киреев с горечью и негодованием отреагировали на решения Берлинского конгресса 1878 г., в соответствии с которыми Россия и славянские народы Балканского полуострова теряли ряд преимуществ, закрепленных Сан-Стефанским мирным договором. Как о величайшей в истории современной России трагедии, «неслыханном обмане» и грубой дипломатической ошибке писали «Московские ведомости» о Берлинском трактате [31]. Аналогичную характеристику этот документ получил и в дневниках Киреева: «Поражение дипломатическое полное!», «Сен-Стафанский трактат окорнали со всех сторон. Берлинская конференция похожа на процесс Засулич, на который официально собрались для того, чтобы судить Засулич, а в конце концов осудили Трепова; так и здесь собрались судить дела балканских убийц, а осудили Россию» [21. С. 150–152].

В 1880-е гг. имя Каткова постоянно мелькало на страницах дневника Киреева. С одной стороны, это объясняется тем, что на эти годы приходится кульминация карьеры редактора «Московских ведомостей», влияние которого ощущалось во многих сферах внутренней политики империи, с другой – Киреев был очень близок с московским публицистом, полагая, что в интересах общего дела следует стремиться к объединению консервативных сил, нежели к усугублению разногласий. Судя по дневниковым записям, публицистическая деятельность Каткова в 1880-е гг. вызвала откровенное одобрение и даже восхищение Киреева. Многие передовые в «Московских ведомостях» характеризуются им как «умные и едкие» [19. С. 206], «блестательные и дельные» [18. С. 304], а сам Катков – как «публицист каких мало» [Там же]. Киреев неоднократно высказывал мысль о том, что между М.Н. Катковым и И.С. Аксаковым, несмотря на казалось бы существенные расхождения славянофилов с представителями других консервативных течений, все же гораздо больше сходства, нежели различий: «Они служат тем же самым идеалам, преследуют те же самые цели!» [Там же. С. 199], «Оттенок между ними один. Аксаков верит более обществу, нежели правительству, Катков – наоборот. От

этого разница между ними во взглядах... Но оба они за православие, за народность, за самодержавие, за освобождение крестьян, оба враги парламентаризма, враги “интеллигентов”» [19. С. 156]. «Они считали себя противниками, но им Россия обоим была дорога. Разница не в идеалах, а лишь в средствах достижения» [32. С. 8] – такими словами начинается изложенный в дневнике Киреева план статьи «Катков и Аксаков», которая была задумана им вскоре после смерти редактора «Московских ведомостей» в 1887 г., последовавшей спустя лишь полтора года после смерти И.С. Аксакова. Намечая основные положения статьи, Киреев старался сгладить противоречия, существовавшие при жизни публицистов, и выдвигал на первый план то общее, что их объединяло: «Аксаков и Катков были единственными людьми, которые со стороны (подчеркнуто А.А. Киреевым. – Е.П.), не будучи в администрации, могли говорить царю правду. Это была великая и благотворная сила» [Там же. С. 7]. В отличие от многих единомышленников-славянофилов, Киреев искренне верил в тождественность идеалов двух авторитетных представителей русской общественно-политической мысли второй половины XIX в.: «Глубоко убежденные в правоте своего дела, заботились лишь о том, чтобы говорить правду, говорить то, что, по их мнению, могло быть полезно отечеству, Катков и Аксаков никогда и нисколько не заботились о том, нравится ли или не нравится то, что они говорят – кому бы то ни было, они не кривили душой ни перед царем, ни перед так называемым обществом. Это полнейшее бесстрашие было одной из причин их обаяния: все знали, что они говорят то, что думают, и что нет той силы на земле, которая могла бы заставить их говорить то, что они не считали правдой. Другая причина их силы, причина того влияния, которым пользовалось их слово, начиная со дворца и кончая хижинкой, заключалась в том, что они говорили то, что думает русский народ, чего он желает, чего требует, чему верит» [33. Т. 2. С. 59–63]. Эти строки Киреева могут служить еще одним подтверждением того, что его длительное, на протяжении более чем двадцати лет, сотрудничество с М.Н. Катковым и его изданиями было основано на общности взглядов, а также свидетельствуют о влиянии идеологии охранительного консерватизма на социально-политическую концепцию позднего славянофильства в лице одного из его наиболее авторитетных представителей.

Литература

1. *Котов А.Э.* Русский националист генерал А.А. Киреев // Глобализация и патриотизм: материалы докладов и выступлений Международной научно-практической конференции ученых, аспирантов, студентов. СПб., 2010. С. 166–171.
2. *Сергеев С.М.* Проблема позднего славянофильства // Журнал «Золотой Лев» № 219–220 – издание русской консервативной мысли. Режим доступа: <http://www.zlev.ru/index.php?p=article&nomer=28&article=1548> (дата обращения: 09.03.2017).
3. *Хевролина В.М.* А.А. Киреев о проблеме славянского единства // Славянский альманах–2000. М., 2001. С. 144–145, 149.
4. *Соловьев К.А.* Генерал Киреев и его дневник // Киреев А.А. Дневник. 1905–1910. М., 2010. С. 3–17.
5. *Медоваров М.В.* А.А. Киреев в общественно-политической жизни России второй половины XIX – начала XX в. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 357 с.
6. *Котов А.Э.* «Будь Катков и Аксаков в живых...»: переписка А.А. Киреева и П.А. Кулаковского (1887–1908) // Русский сборник: исследования по истории России. М., 2014. С. 134–180.
7. *Медоваров М.В.* К истории взаимоотношений И.С. Аксакова и А.А. Киреева // Вестн. Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер.: История. 2016. № 2. С. 42–48.
8. *Белинский В.Г.* Письмо И.И. Панаеву от 19 августа 1839 г. // Полное собрание сочинений : в 13 т. М., 1953–1956. Т. 11.
9. *Белинский В.Г.* Письмо Н.В. Станкевичу. 29 сентября. 8 октября 1839 г. // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. М., 1953–1956. Т. 11.
10. Из воспоминаний А.И. Георгиевского // Литературное наследство. Т. 97 : в 2 кн. Кн. 2. М. : Наука, 1989. С. 104–163.
11. *Киреев А.А.* Дневник // НИОР РГБ. Ф. 126. К. 2.
12. Передовая статья // Московские ведомости. 1864. 5 сент. № 195.
13. Передовая статья // Московские ведомости. 1864. 6 сент. № 196.
14. *Никитенко А.В.* Дневник : в 3 т. М. : ГИХЛ, 1956.
15. *Шаликова Н.П.* Дневник // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 54. Ед. хр. 33.
16. *Киреев А.А.* Дневник // НИОР РГБ. Ф. 126. К. 3.
17. *Киреев А.А.* Дневник // НИОР РГБ. Ф. 126. К. 4а.
18. *Киреев А.А.* Дневник // НИОР РГБ. Ф. 126. К. 9.
19. *Киреев А.А.* Дневник // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 10.
20. *Киреев А.А.* Дневник // НИОР РГБ. Ф. 126. К. 8.
21. *Киреев А.А.* Дневник // НИОР РГБ. Ф. 126. К. 7.

22. Бартенев П.И. Из записной книжки «Русского архива» // Русский архив. 1912. Кн. 3.
23. Градовский Г.К. Из минувшего // Русская старина. 1908. № 1.
24. Киреев А. Письма М.Н. Каткову. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 23.
25. Валуев П.А. Дневник : в 2 т. / под ред. П.А. Зайончковского. М. : Изд-во АН СССР, 1961.
26. Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. СПб., 19 марта 1866 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 25. Ед. хр. 4.
27. Киреев А.А. Дневник // НИОР РГБ. Ф. 126. К. 6.
28. Головин А.В. Записки для немногих. СПб. : Нестор-История, 2004. 576 с.
29. Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. СПб., 19 нояб. 1866 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 31.
30. Передовая статья // Московские ведомости. 1878. 2 апр. № 85.
31. Передовая статья // Московские ведомости. 1878. 28 июня. № 164.
32. Киреев А. Дневник // НИОР РГБ. Ф. 126. К. 11.
33. Киреев А.А. Катков и Аксаков // Киреев А.А. Соч. : в 2 т. СПб., 1912.

“IT WAS A GREAT AND SALUTARY FORCE...”: ON THE HISTORY OF RELATIONS OF A.A. KIREEV AND M.N. KATKOV

Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies. 2018. 4, pp. 93–117.

Yelena V. Perevalova, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: helenpv@yandex.ru

DOI: 10.17223/26188422/4/5

Keywords: A.A. Kireev, M.N. Katkov, I.S. Aksakov, Grand Duke Konstantin Nikolaevich, *Moskovskiye Vedomosti*, conservatism, Slavophilism.

In the paper, the history of the relations of A.A. Kireev, one of the most authoritative representatives of late Slavophilism, with M.N. Katkov, a recognized leader of conservative ideology of the last third of the 19th century, a publicist, the editor of the largest conservative newspaper *Moskovskiye Vedomosti*, is analyzed. The reasons which pulled the two authoritative thinkers together are established, the common positions on a number of social and political questions are considered. Kireev's diaries of 1862–1887, diaries of the writer N.P. Shalikova, Kireev's letters addressed to Katkov, some other documents stored in the archives of the Department of Manuscripts of the Russian State Library have formed the basis for the paper.

Despite a considerable difference in education, upbringing, social status, sociopolitical and philosophical views, Kireev and Katkov had trusting friendly relations for more than twenty years. They met in the fall of 1864 thanks to O.A. Novikova, Kireev's younger sister, an employee of *Moskovskiye Vedomosti*, and developed firm friendship based on sincere interest in the events which took place in Russia and beyond, on their aspiration to see national priorities at the heart of Russian policy, on their

broad outlooks, enthusiasm for literature and sciences, hostility to Saint Petersburg with its bureaucracy and the state atmosphere, and, of course, their love to Moscow which for each of them was the embodiment of the Russian character, the traditional national way, the keeper of the time-tested values and traditions. Katkov was one of the most respected and appreciated representatives of Russian public opinion for Kireev. The position of the newspaper Katkov edited on many fundamental issues was close to Kireev and had his unambiguous support, e.g., Kireev fully shared the sharp criticism of nihilistic and socialist theories in *Moskovskiye Vedomosti*, of the campaign the newspaper started against jury trials; he passionately approved of the newspaper course towards protection of the Slavic matter and Orthodoxy in the Balkans, etc.

In the paper, it is noted that Kireev, who in 1862–1892 was an aide-de-camp of Grand Duke Konstantin Nikolaevich and therefore was one of the most informed persons of the Russian Empire, it was useful for Katkov as a source of urgent and reliable information about the events in the top government of Saint Petersburg and Warsaw. Special attention is paid to the intermediary role of Kireev in the settlement of the conflict between Katkov and the grand duke at the end of the 1860s and in the organization of their meeting in the Marble Palace during which Katkov managed to convince the prince to support his project of a gymnasium reform.

In the 1880s, Kireev believed that for the benefit of the common cause it is necessary to seek for association of conservative forces rather than for aggravation of disagreements. In his diaries and in his article “Katkov and Aksakov” he insistently emphasized that Slavophilism and Conservatism served the same purposes and professed the same values, only differing in methods for their achievement. The over twenty years of Kireev’s cooperation with Katkov confirm the influence of Conservatism ideology on the sociopolitical concept of late Slavophilism in the person of one of its most authoritative representatives.

References

1. Kotov, A.E. (2010) [Russian nationalist General A.A. Kireev]. *Globalizatsiya i patriotizm* [Globalization and patriotism]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 166–171. (In Russian).
2. Sergeyev, S.M. (2009) Problema pozdnego slavyanofil'stva [The Problem of Late Slavophilism]. *Zolotoy Lev*. 219–220. [Online] Available from: <http://www.zlev.ru/index.php?p=article&nomer=28&article=1548>. (Accessed: 09.03.2017).
3. Khevolina, V.M. (2001) A.A. Kireev o probleme slavyanskogo yedinstva [A.A. Kireev about the problem of Slavic unity]. In: Nikiforov, K.V. (ed.) *Slavyanskiy al'manakh-2000* [Slavic almanac-2000]. Moscow: Indrik.
4. Solov'yev, K.A. (2010) General Kireev i yego dnevnik [General Kireev and his diary]. In: Kireev, A.A. *Dnevnik. 1905–1910* [A diary. 1905–1910]. Moscow: ROSSPEN.
5. Medovarov, M.V. (2013) *A.A. Kireev v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [A.A. Kireev in the socio-political life of

Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. History Cand. Dis. Moscow.

6. Kotov, A.E. (2014) “Bud’ Katkov i Aksakov v zhivyykh...”: perepiska A.A. Kireyeva i P.A. Kulakovskogo (1887–1908) [“If Katkov and Aksakov had been alive...”: A.A. Kireev and P.A. Kulakovsky’s correspondence (1887–1908)]. In: Kolerov, M. et al (eds) *Russkiy sbornik: issledovaniya po istorii Rossii* [Russian collection: studies on the history of Russia]. Moscow: M. Kolerov.

7. Medovarov, M.V. (2016) On the history of relations between Ivan Aksakov and Alexander Kireev. *Vestn. Nizhegor. gos. un-ta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Istoriya – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. History. 2.* pp. 42–48. (In Russian).

8. Belinskiy, V.G. (1956) Pis’mo I.I. Panayevu ot 19 avgusta 1839 g. [Letter to I.I. Panayev of August 19, 1839]. In: *Polnoye sobraniye sochineniy: V 13 t.* [Complete Works: in 13 vols]. Vol. 11. Moscow: USSR AS.

9. Belinskiy, V.G. (1956) Pis’mo N.V. Stankevichu. 29 sentyabrya. 8 oktyabrya 1839 g. [Letter to N.V. Stankevich. September 29th October 8, 1839]. In: *Polnoye sobraniye sochineniy: V 13 t.* [Complete Works: in 13 vols]. Vol. 11. Moscow: USSR AS.

10. Dinesman, T.G. et al. (eds) (1989) Iz vospominaniy A.I. Georgiyevskogo [From the memories of A.I. Georgievskiy]. In: *Literaturnoye nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 97. In 2 books. Book 2. Moscow: Nauka. pp. 104–163.

11. Manuscript Department, Russian State Library (NIOR RGB). Fund 126. Box 2. Kireev, A.A. *Dnevnik* [A diary].

12. Moskovskiye vedomosti. (1864) Peredovaya stat’ya [Editorial]. *Moskovskiye vedomosti.* 5 September. 195.

13. Moskovskiye vedomosti. (1864) Peredovaya stat’ya [Editorial]. *Moskovskiye vedomosti.* 6 September. 196.

14. Nikitenko, A.V. (1956) *Dnevnik. V 3 tt.* [A diary. In 3 vols]. Moscow: GIKH.

15. Manuscript Department, Russian State Library (NIOR RGB). Fund 120. Box 54. Item 33. Shalikova, N.P. *Dnevnik* [A diary].

16. Manuscript Department, Russian State Library (NIOR RGB). Fund 126. Box 3. Kireev, A.A. *Dnevnik* [A diary].

17. Manuscript Department, Russian State Library (NIOR RGB). Fund 126. Box 4a. Kireev, A.A. *Dnevnik* [A diary].

18. Manuscript Department, Russian State Library (NIOR RGB). Fund 126. Box 9. Kireev, A.A. *Dnevnik* [A diary].

19. Manuscript Department, Russian State Library (NIOR RGB). Fund 126. Box 10. Kireev, A.A. *Dnevnik* [A diary].

20. Manuscript Department, Russian State Library (NIOR RGB). Fund 126. Box 8. Kireev, A.A. *Dnevnik* [A diary].

21. Manuscript Department, Russian State Library (NIOR RGB). Fund 126. Box 7. Kireev, A.A. *Dnevnik* [A diary].
22. Bartenev, P.I. (1912) Iz zapisnoy knizhki "Russkogo arkhiva" [From the notebook of Russkiy arkhiv]. *Russkiy arkhiv*. 3.
23. Gradovskiy, G.K. (1908) Iz minuvshego [From the past]. *Russkaya starina*. 1.
24. Manuscript Department, Russian State Library (NIOR RGB). Fund 120. Box 23. Kireev, A.A. *Pis'mo M.N. Katkovu* [Letter to M.N. Katkov].
25. Valuyev, P.A. (1961) *Dnevnik. V 2 tt.* [A diary: in 2 vols]. Moscow: USSR AS.
26. Manuscript Department, Russian State Library (NIOR RGB). Fund 120. Box 23. Item 4. Markevich, B.M. *Pis'mo M.N. Katkovu. St. Petersburg, 19 marta 1866 g.* [Letter to M.N. Katkov. St. Petersburg, March 19, 1866].
27. Manuscript Department, Russian State Library (NIOR RGB). Fund 126. Box 6. Kireev, A.A. *Dnevnik* [A diary].
28. Golovnin, A.V. (2004) *Zapiski dlya nemnogikh* [Notes for the few]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
29. Manuscript Department, Russian State Library (NIOR RGB). Fund 120. Box 31. Markevich, B.M. *Pis'mo M.N. Katkovu. St. Petersburg, 19 noyabrya 1866 g.* [Letter to M.N. Katkov. St. Petersburg, November 19, 1866].
30. Moskovskiye vedomosti. (1878) *Peredovaya stat'ya* [Editorial]. *Moskovskiye vedomosti*. 2 April. 85.
31. Moskovskiye vedomosti. (1878) *Peredovaya stat'ya* [Editorial]. *Moskovskiye vedomosti*. 28 June. 164.
32. Manuscript Department, Russian State Library (NIOR RGB). Fund 126. Box 11. Kireev, A.A. *Dnevnik* [A diary].
33. Kireev, A.A. (1912) Katkov i Aksakov [Katkov and Aksakov]. In: *Soch. v 2 t.* [Works: in 2 vols]. St. Petersburg: A.S. Suvorin.